

**БАХТИН НА РАЗНЫЕ ГОЛОСА:
ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ ОБ ИНТОНАЦИИ**

Галина Анатольевна Орлова

кандидат психологических наук, доцент Академии психологии и педагогики Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия), доцент Департамента социальных наук Европейского гуманитарного университета (Вильнюс, Литва), руководитель Обнинского цифрового проекта
e-mail: galina.orlova@ehu.lt

Аннотация. В предисловии к подборке, составленной из двух аналитических этюдов, обосновывается обращение социальных исследователей к изучению голоса в его связи с социальными явлениями и процессами. Качественные социальные исследования характеризуются как эпистемологическая машина перевода устной речи в письменные тексты, доступные медленному анализу. А транскрипт рассматривается как условие возможности и инструмент современной социально-конструкционистской аналитики. Автор предисловия задается вопросом об условиях возможности возвращения в социальные исследования «забытого» в процессе перевода голоса. Внимание к несемиотическим аспектам человеческого существования, поворот к телу и аффекту, исследование бессловесных социальных миров рассматриваются как основания для аналитической реставрации голоса. Однако интонационная траектория авторов этой подборки иная: она восходит к их опыту подготовки транскриптов интервью в исследовательском цифровом проекте и обнаруживает связь с наследием Бахтина.

Ключевые слова: голос, интонация, качественные исследования, эпистемология.

Авторы этих этюдов через нестрогость письма стремятся не столько преодолеть посконную культурную нечувствительность к голосовым мирам, о которой пишет О. Булгакова [Булгакова], сколько совладать с эпистемологической глуховатостью и акустической афазией, которую могут у себя обнаружить социальные исследователи, сформировавшиеся в эпоху гегемонии лингвистического поворота.

Забвение (для) качественных исследователей

Если ученый-Лера из рассказа «Кому это нужно?» с помощью сканирующей рамки, динамик, кнопок и ассистента Саши научилась преобразовывать рукопись в голос, с разной степенью пронзительности доказывая его корпоральный статус [Булычев], то мы привычным движением совершаем обратный перевод. И не только мы. Вот уже полвека, как социологи, антропологи, социальные психологи, исследователи образования и другие сторонники качественной парадигмы, ориентированные на изучение локальных ландшафтов смысла, используют технологические ловушки для голоса, дабы преобразовать биографические интервью и прочие беседы-разговоры в письменные тексты, доступные медленному чтению.

Авторы, внимательные к эффектам медиатизации, уверенно связывают рост интереса к нарративу среди качественных исследова-

телей с распространением звукозаписывающей техники [Langellier: 700; Fielding, Lee]. И если в диктофоне видят технологическое условие возможности такого исследования, то расшифровка устной речи опознается в качестве одного из рутинных оснований качественной аналитики [Lapadat; Psathas, Anderson]. А все потому, что ухо социального исследователя остается куда менее приспособленным, чем глаз, к конструкционистским трансмутациям грамматических форм и нарративных фигураций, к их превращению в хитросплетения идентичности, памяти и социального действия.

О неэквивалентности транскрибирования и его несовершенствах сказано немало. В нем видят перевод [Bourdieu], отчуждение [ten Have], интерпретацию [Kvale 1994], переписывание [Lapadat, Lindsay], нацеленное на замораживание неприрученной устной речи [Denzin] и встраивание ее в нормативный формуляр письма [West]. Однако, делая выбор между экологией речи и ее аналитическим насыщением, качественные исследователи стабильно отдают предпочтение письменным протезам [Clifford, Marcus; Hook].

М. Пешё, обсуждая условия вступления говорящего в дискурсивную формацию, говорит о «двух забвениях», позволяющих ему занять позицию субъекта [Пешё]. Впрочем, двойное забвение качественного исследователя довольно специфично. Включая в свои тексты фрагменты расшифровок интервью,

он работает с ними так, будто они возникли в ходе спонтанного монолога (забывает о сцене интервью и своем коммуникативном вкладе в него). Используя запись, в которой след устной речи едва различим, а в самых ответственных случаях – сведен к хезитациям, маркерам изменения громкости, интонационным ударениям, фальстартам, налагающимся репликам и редким, заключенным в скобки описаниями («взволнованно», «смеется», «с придыханием») [Hammersley], исследователь забывает о голосе.

Конечно, не только племя качественных исследователей забывает о голосе в его корпоральности как об основании присутствия, субъективности и способности к действию. Итальянский философ А. Кавареро упрекает в этом забвении Ж. Деррида и постмодернистскую философию, призывая вернуть речь в тело [Cavarego]. А. Шлихтер обнаруживает это забвение в «безголозой» теории перформативного производства гендера Дж. Батлер, где в ходе обсуждения взаимоотношений речи и тела нутро, порождающее звук, попросту игнорируется [Schlichter: 42]. Л. Данн и Н. Джонс напоминают о том, что феминистски так часто использовали слово «голос», дабы охватить самый широкий круг явлений – от культурной агентности и политических свобод до сексуальной автономии, – что голос давно превратился в метафору власти, осуществляемой, например, посредством письма, а его

конкретное, физическое измерение было забыто. Чтобы избыть забвение и вывести голос из-под власти языка, сосредоточившись на его существовании в теле и реализации через тело, соавторы предлагают работать с вокальностью, которая вбирает в себя все голосовые манифестации – говорение, пение, крик, смех и т.д. [Dunn, Jones: 1]. А антрополог Н. Эйдшайм распространяет эпистемологическое беспокойство на более широкий круг акустических явлений. Ее заботит невозможность насыщенного описания звуковых событий в их процессуальности и многомерности. Для того чтобы избежать редукции нашего знания о звучащих мирах к уровню громкости, формам длительности и прочей акустической машинерии, она предлагает работать с «фигурой звука» как комплексной аналитической единицей [Eidsheim: 4].

Акустическая повестка качественных исследователей скромнее. Для возвращения памяти об интерперсональном характере материалов, полученных в ходе интервью, им понадобилась серия эпистемологических толчков и сдвигов – смещение акцента с рассказа на рассказывание [Riessman], осмысление интервью в качестве процесса активного взаимодействия, пространства обменов, распределения власти, давления, сотрудничества [Berger; Kvale 2006; Bengtsson, Fynbo] и многое другое. Что нужно исследователю для того, чтобы вспомнить о голосе, столь

неудобном для записи, упорно ускользающем в равной степени от анализа и от превращения в аналитическую форму?

Сегодня в качественные исследования голос возвращается не один, а вместе с другими практиками и техниками исполнения, телесной вовлеченности, воплощения, аффективно окрашенного участия. Внимание к нему стало симптомом кризиса беззаботного текстоцентризма и одним из признаков в неубедительности конструкционистской редукции. Так, Р. Чадвик, изучающая рассказы женщин о родах и стремящаяся сделать качественные исследования более чувствительными к телесной стороне нашего существования, интерпретирует интонацию, изменение тональности, ритмическую организацию историй как значимое вторжение тела в план сказанного и объявляет устоявшуюся форму транскрибирования несостоятельной [Chadwick 2017: 8]. П. Контос и Г. Нэгли, которые делают перформативную этнографию и учатся различать негромкие проявления «я» людей с болезнью Альцгеймера, также предлагают коллегам по цеху ценить и включать в анализ паралингвистические детали коммуникации [Kontos, Naglie: 13]. Здесь – как и в случае Л. Доак, изучающей коммуникативную среду детей с аутистическими расстройствами [Doak], – выпадение основных участников из налаженной колеи наррации и развернутого высказывания побуждает исследователей

восстанавливать голос, тело и жест в своих эпистемологических правах.

Обнинская генеалогия

Генеалогия нашего внимания к голосу – иная. Вот уже пять лет мы с Александрой Касаткиной с переменным успехом участвуем в реализации цифровой версии Обнинского проекта, где изучают рассказанный опыт первых поколений советских ядерных НТР-овцев [Орлова 2016а]. Наша задача состоит в создании открытой платформы, позволяющей хранить, анализировать и экспонировать укрупненные качественные данные по истории, социологии и антропологии большой советской науки. Среди прочего мы занимаемся непривычным для качественных исследователей делом – готовим к помещению в открытый доступ расшифровки глубинных (чаще – биографических) интервью с физиками, реакторщиками, расчетчиками, радиохимиками, ядерными метеорологами и другими обитателями города дюжины ядерных институтов.

Необходимо отметить, что в отличие от журналистов и устных историков качественные исследователи анонимизируют, не редактируют и не публикуют свои полевые интервью. По условиям проекта мы не могли отказаться от публикации. Наши собеседники не захотели анонимизации, но выразили желание ознакомиться с расшифровками до их помещения в цифровой архив. Исследо-

ватели не были готовы к литературной обработке транскриптов, уничтожающей ценную информацию. А информанты, люди просвещенные и зачастую известные, увидев расшифровки, пришли в ужас от репрезентации своей устной речи на письме и отказались показывать их публике в таком виде [Касаткина 2015]. Из этой контroversы произросли наши эксперименты с динамическим транскрибированием, признание за всеми участниками права на транскрипт и раздумья о визуальной экологии расшифровки [Орлова 2016б; Касаткина 2016; Orlova, Kasatkina]. Но, что не менее важно, осложнения, с которыми мы столкнулись в пограничье качественных исследований и цифровой ойкумены, требовали от нас долгосрочных усилий по координации аналитической работы глаза и уха.

К. Боргман, изучающая цифровую научную работу, перечислила причины очень осторожного отношения социальных исследователей к открытию своих данных [Borgman: 209–211]. Среди прочего она указала на резкое увеличение временных затрат на исследование, вызванное подготовкой качественных данных к публикации. Это так. Однако умножение невидимого цифрового труда, который в современной академии считается черным и вспомогательным, имеет и обратную сторону. Исследователи, работающие в цифровых проектах, переходят к практическому производству теории и начинают осваивать посттипграфские эпи-

стемологии, как это предсказывают – провозглашают авторы «Манифеста цифровой гуманитаристики 2.0» [Shnapp, Presner: 7]. Тратя дни, месяцы, годы на переслушивание аудиозаписей над несовершенными расшифровками, синхронизируя синтаксический рисунок устной речи и транскрипта, изыскивая оптимальные способы показа коммуникативных вкладов, эмпатического слушания и дискурсивных маркеров, мы так много сил вложили в то, чтобы сделать голос видимым, что сами не заметили, как научились придавать ему аналитическую ценность.

Между исполнением идеологии и мелодикой позиционирования

Однако обвинских материалов в наших этюдах нет. Александра Касаткина представляет и комментирует полевые интервью, записанные ею в ходе диссертационного исследования разговоров (пост)советских дачников и садоводов. А я публикую гибридную серию кейсов, которую вот уже несколько лет слушаю со студентами, осваивающими дискурсивную аналитику. Александру интересует актуализация и реализация ситуативных «я»-позиций – в процессе взаимодействия. А меня – исполнение идеологии. Она вслушивается в мужские голоса переходного периода. А я – в женские, воспроизводящие – вне зависимости от привязки к времени и месту – советский идеологический канон. Она работает с гомоген-

ным и органичным полевым материалом, а я – с очень странной подборкой, составленной из фрагментов аудиозаписи видеозаписи, мюзикла и чужого исследовательского интервью. Что может быть общего у этих текстов? Конечно же, забота о голосе и усилении его аналитического статуса.

Мы обращаемся к тем случаям, когда материи, интересующие социальных исследователей, – будь то динамическая субъектность или вступление в порядок идеологии – можно и нужно ловить не только в лексике, грамматике, синтаксисе, но и в интонации. Мы хотим показать, что без аналитического освоения просодических форм и паттернов, без готовности – пусть еще неловко и неумело – отслеживать все эти мены тона и проговаривать повторяющиеся раз за разом речитативы историки, антропологи, социологи раз за разом будут упускать в своих умозаключениях о мире и человеке кое-что важное. И эти упущения вряд ли будут в ближайшее время восполнены экспертами по голосу и разным способам обращения с ним – лингвистами, музыковедами, дикторами центрального телевидения и преподавателями вокала. А значит, пора открывать голос и его акустическую форму, как некогда были открыты нарратив и речь, для широкого использования и изучения за пределами дисциплинарных разделений.

И есть еще кое-что, что роднит наши тексты. Не сговариваясь, мы обе обращаемся

к М. Бахтину для того, чтобы очертить место встречи голоса и социальной практики. Для исследовательского случая Александры Касаткиной большее значение имеет гетероглоссия, для моего – интонационный фонд. Однако уже сам факт этого синхронного обращения представляется мне симптоматичным и вызывает эффект *déjà vu*. Когда-то – на рубеже 1980–1990-х гг. – Михаил Михайлович уже был невероятно популярен у социальных исследователей. В те годы даже ядерную этнографию, призванную изучать и где-то даже модерировать жесткие дебаты, идущие вокруг оружия массового поражения, Б. Тейлор предлагал строить на основе диалогической теории [Taylor]. Бахтин и его мягкая аналитика были необходимы социальным наукам, находящимся в поиске обновленных форматов производства знания, экспериментирующим с методами, открывающим новые сюжеты и осваивающим непривычные обертоны исследования. За четверть века многое в нашем эпистемологическом хозяйстве забронзовело или подверглось жесткой инструментализации. Но не работа с голосом. А значит, здесь по-прежнему не обойтись без Бахтина.

Литература

- Булгакова, О. Голос как культурный феномен. М.: Новое литературное обозрение, 2015.
- Булычев, К. Кому это нужно? М.: РИФ, 1991.

Касаткина, А. Исследовательское интервью и открытый электронный архив: трансформация метода, новая технология представления, архив как место встречи // Векторы развития современной России. От формирования ценностей к изобретению традиций. Материалы XIII Междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых. 11–12 апреля 2014 года / Под общ. ред. М.Г. Пугачевой. М.: Дело, 2015. С. 238–249.

Касаткина, А. Разговор на экране: трансформация политик транскрибирования в Обнинском цифровом проекте // Знание на экране: новые режимы видимости в социогуманитаристике. Материалы III цифрового коллоквиума. Москва. ШАГИ РАНХиГС. 9 – 10 декабря 2016. С. 23–24.

Орлова, Г.А. Собирая проект // ШАГИ / STEPS. 2016а. 2(1). С. 154–166.

Орлова, Г.А. Со-авторизация, но не соавторство: приключения транскрипта в цифровую эпоху // ШАГИ / STEPS. 2016б. 2(1). С. 200–223.

Пешё, М. Прописные истины // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса / под ред. П. Серио. М.: Прогресс, 1999. С. 225–291.

Bengtsson, T.T., Fynbo, L. (2017). Analyzing the significance of silence in qualitative interviewing: questioning and shifting power relations. *Qualitative Research*, 18 (1), 19–35.

Berger, R. (2015). Now I see it, now I don't: Researcher's position and reflexivity in qualita-

tive research. *Qualitative research*, 15(2), 219–234.

Borgman, C. (2010). *Scholarship in the Digital Age: Information, infrastructure, and the Internet*. Cambridge, MA: MIT Press.

Bourdieu, P. (1997). Understanding. *Theory, Culture and Society*, 13(2), 17–37.

Cavarero, A. (2005). *For more than one voice: Toward a philosophy of vocal expression*. Stanford: Stanford University Press.

Chadwick, R. (2017). Embodied methodologies: challenges, reflections and strategies. *Qualitative Research*, 17(1), 54–74.

Clifford, J., Marcus, G. (ed.). (1986). *Writing culture: The poetics and politics of ethnography*. Berkeley: University of California Press.

Denzin, N. (1995). The experiential text and the limits of visual understanding. *Educational Theory*, 45, 7–18.

Doak, L. (2018). But I'd rather have raisins! Exploring a hybridized approach to multimodal interaction in the case of a minimally verbal child with autism. *Qualitative Research*. <https://doi.org/10.1177/1468794117752115>.

Dunn, L., Jones, N. (ed.). (1996). *Embodied voices: Representing female vocalicity in Western culture*. Cambridge: Cambridge University Press.

Eidsheim, N. (2015). *Sensing sound: Singing and listening as vibrational practice*. Durham: Duke University Press.

Fielding, N., Lee, R. (1998). *Computer Analysis and Qualitative Research*. London: SAGE.

Hammersley, M. (2010). Reproducing or constructing? Some questions about transcription in social research. *Qualitative research*, 10(5), 553–569.

Hook, D. (2003). Language and the flesh: psychoanalysis and the limits of discourse. *Pretexts*, 21(1), 43–64.

Kontos, P., Naglie, G. (2006). Expressions of personhood in Alzheimer's: Moving from ethnographic text to performing ethnography. *Qualitative Research*, 6(3), 301–317.

Kvale, S. (1994). *Interviews: An introduction to qualitative research interviewing*. London: SAGE.

Kvale, S. (2006). Dominance through interviews and dialogue. *Qualitative Inquiry*, 12(3), 480–500.

Langellier, K. (2001). Personal narrative. In: M. Jolly (Ed.). *Encyclopedia of life writing: Autobiographical and biographical forms*. London: Fitzroy Dearborn. Vol. 2, 699–701.

Lapadat, J. (2000). Problematizing transcription: Purpose, paradigm and quality. *International Journal of Social Research Methodology*, 3(3), 203–219.

Lapadat, J., Lindsay, A. (1999). Transcription in research and practice: From standardization of technique to interpretive positionings. *Qualitative Inquiry*, 5, 64–86.

Orlova, G., Kasatkina, A. (2017). Wide open qualitative data: the Obninsk digital project as an ethical dispositive. *Russian Journal of Communication*, 9(3), 328–335.

Psathas, G., Anderson, T. (1990). The “practices” of transcription in conversation analysis. *Semiotica*, 78(1/2), 75–99.

Riessman, C. (2008). *Narrative methods for the human sciences*. Los Angeles: SAGE.

Schlichter, A. (2011). Do voices matter? Vocality, materiality, gender performativity. *Body and Society*, 17(1), 31–52.

Schnapp, J., Presner, T., Lunenfeld, P. (2009). The digital humanities manifesto 2.0 // UCLA Mellon Seminar in Digital Humanities. 2009. Retrieved from: http://www.humanitiesblast.com/manifesto/Manifesto_V2.pdf (date of access: 16.07.2017).

Taylor, B. (1996). Make bomb, save world: Reflections on dialogic nuclear ethnography. *Journal of Contemporary Ethnography*, 25(1). 120–143.

ten Have, P. (1990). Methodological issues in conversation analysis. *Bulletin de Méthodologie Sociologique*, 27(1), 23–51.

West, C. (1996). Ethnography and orthography: A (modest) methodological proposal. *Journal of Contemporary Ethnography*, 25(3), 327–352.

References

Bengtsson, T.T., Fynbo, L. (2017). Analyzing the significance of silence in qualitative interviewing: questioning and shifting power relations. *Qualitative Research*, 18 (1), 19–35.

Berger, R. (2015). Now I see it, now I don't: Researcher's position and reflexivity in

qualitative research. *Qualitative research*, 15(2), 219–234.

Borgman, C. (2010). *Scholarship in the Digital Age: Information, infrastructure, and the Internet*. Cambridge, MA: MIT Press.

Bourdieu, P. (1997). Understanding. *Theory, Culture and Society*, 13(2), 17–37.

Bulgakova, O. (2015). *Golos kak kul'turnyy fenomen* [Voice as a cultural phenomenon]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye.

Bulychev, K. (1991). *Komu eto nuzhno?* [Who needs that?] Moscow: RIF.

Cavarero, A. (2005). *For more than one voice: Toward a philosophy of vocal expression*. Stanford: Stanford University Press.

Chadwick, R. (2017). Embodied methodologies: challenges, reflections and strategies. *Qualitative Research*, 17(1), 54–74.

Clifford, J., Marcus, G. (ed.). (1986). *Writing culture: The poetics and politics of ethnography*. Berkeley: University of California Press.

Denzin, N. (1995). The experiential text and the limits of visual understanding. *Educational Theory*, 45, 7–18.

Doak, L. (2018). But I'd rather have raisins! Exploring a hybridized approach to multimodal interaction in the case of a minimally verbal child with autism. *Qualitative Research*. <https://doi.org/10.1177/1468794117752115>

Dunn, L., Jones, N. (ed.). (1996). *Embodied voices: Representing female vocality in Western culture*. Cambridge: Cambridge University Press.

Eidsheim, N. (2015). *Sensing sound: Singing and listening as vibrational practice*. Durham: Duke University Press.

Fielding, N., Lee, R. (1998). *Computer Analysis and Qualitative Research*. London: SAGE, 1998.

Hammersley, M. (2010). Reproducing or constructing? Some questions about transcription in social research. *Qualitative research*, 10(5), 553–569.

Hook, D. (2003). Language and the flesh: psychoanalysis and the limits of discourse. *Pretexts*, 21(1), 43–64.

Kasatkina, A. (2015). Issledovatel'skoye interv'yu i otkrytyy elektronnyy arkhiv: transformatsiya metoda, novaya tekhnologiya predstavleniya, arkhiv kak mesto vstrechi [Research interview and open e-archive: transformations of method, new technology of data representation, archive as a meeting point]. In M.G. Pugacheva (Ed.). *Vektory razvitiya sovremennoy Rossii. Ot formirovaniya tsennostey k izobreteniyu traditsiy* [Vectors of development of modern Russia. Between formation of values and invention of traditions]: *Proceedings of the XIII International Conference of Young Scholars*. Moscow: Delo, 238–249.

Kasatkina, A. (2016). Razgovor na ekrane: transformatsiya politik transkribovaniya v Obninskom tsifrovom projekte [A talk in the screen: transformation of the transcription politics in the Obninsk digital project]. In *Znaniye na ekrane: novyye rezhimy vidimosti v*

sotsiogumanitaristike [Knowledge in the screen: new regimes of visibility in social science and humanities]. *Proceedings of the III Digital Colloquium*. Moscow. SHAGI RANKHiGS. 9 – 10 December 2016, 23–24.

Kontos, P., Naglie, G. (2006). Expressions of personhood in Alzheimer's: Moving from ethnographic text to performing ethnography. *Qualitative Research*, 6(3), 301–317.

Kvale, S. (1994). *Interviews: An introduction to qualitative research interviewing*. London: SAGE.

Kvale, S. (2006). Dominance through interviews and dialogue. *Qualitative Inquiry*, 12(3), 480–500.

Langellier, K. (2001). Personal narrative. In: M. Jolly (Ed.). *Encyclopedia of life writing: Autobiographical and biographical forms*. London: Fitzroy Dearborn. Vol. 2, 699–701.

Lapadat, J. (2000). Problematizing transcription: Purpose, paradigm and quality. *International Journal of Social Research Methodology*, 3(3), 203–219.

Lapadat, J., Lindsay, A. (1999). Transcription in research and practice: From standardization of technique to interpretive positionings. *Qualitative Inquiry*, 5, 64–86.

Orlova, G. (2016a). Sobiraya proyekt. [Assembling the project]. *ShAGI / STEPS*, 2(1), 154 – 166.

Orlova, G. (2016b). So-avtorizatsiya, no ne soavtorstvo: priklyucheniya transkripta v tsifrovuyu epokhu. [Co-authorization, not co-authorship: the adventures of transcript in digital age]. *ShAGI / STEPS*, 2(1), 200–223.

Orlova, G., Kasatkina, A. (2017). Wide open qualitative data: the Obninsk digital project as an ethical dispositive. *Russian Journal of Communication*, 9(3), 328–335.

Peshe, M. (1999). Propisnyye istiny. [Common truths]. In P. Serio (Ed.). *Kvadratura smyisla. Frantsuzskaya shkola analiza diskursa* [Quadrature of sense. French school of discourse analysis]. Moscow: Progress, 225 – 291.

Psathas, G., Anderson, T. (1990). The “practices” of transcription in conversation analysis. *Semiotica*, 78(1/2), 75–99.

Riessman, C. (2008). *Narrative methods for the human sciences*. Los Angeles: SAGE.

Schlichter, A. (2011). Do voices matter? Vocality, materiality, gender performativity. *Body and Society*, 17(1), 31–52.

Schnapp, J., Presner, T., Lunenfeld, P. (2009). The digital humanities manifesto 2.0 // UCLA Mellon Seminar in Digital Humanities. 2009. Retrieved from: http://www.humanitiesblast.com/manifesto/Manifesto_V2.pdf (date of access: 16.07.2017).

Taylor, B. (1996). Make bomb, save world: Reflections on dialogic nuclear ethnography. *Journal of Contemporary Ethnography*, 25(1), 120–143.

ten Have, P. (1990). Methodological issues in conversation analysis. *Bulletin de Méthodologie Sociologique*, 27(1), 23–51.

West, C. (1996). Ethnography and orthography: A (modest) methodological proposal. *Journal of Contemporary Ethnography*, 25(3), 327–352.

**BAKHTIN IN DIFFERENT VOICES:
TWO ETHNOGRAPHIC SKETCHES ABOUT INTONATION**

Galina A. Orlova, candidate of Psychological Sciences, associate professor of the Academy of Psychology and Pedagogy at Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia), associate professor of the Department of Social Sciences at European Humanities University (Vilnius, Lithuania), the head of the Obninsk digital project; e-mail: galina.orlova@ehu.lt

Abstract. In the preface to a compilation of two analytical sketches, the return of social researchers to the voice in its connection with social phenomena and processes is grounded. Qualitative social studies are characterized as an epistemological machine for translating orality into literacy accessible to slow analysis. Transcript is considered as both a condition of possibility and an instrument of social constructionist analyses. The author considers the conditions for the possibility of returning the voice “forgotten” in the process of translation to the language of social studies. Attention to non-semiotic aspects of human existence, a turn to the embodiment and affect, discovering the wordless social worlds are considered as the bases for analytical restoration of the voice. However, the intonational trajectory of the authors of this collection is different: it goes back to their experience in preparing transcripts of the interview in a research digital project and reveals a connection with the legacy of Bakhtin.

Key words: voice, vocality, intonation, qualitative studies, epistemology.

